

Наталья Сашки - Петербург - Париж - 1992 - № 13-14

Мои Шурики

Мне сказали: «Ваша газета — и без Натальи ЖУРАВЕЛЫ! Да что вы! Такая любовь, такая жизнь, такая история!»

Так я оказалась в этом доме...

ДО НЕГО

...Здесь я родилась. Квартира была коммунальной, и жили в ней одни женщины. На кухне вечно что-то варилось, парилось. В коридоре на веревках сушилось белье.

Моя мама Валентина Андреевна тридцать лет отработала на «Ленфильме» ассистентом режиссера. Для актеров была как нянька, а для некоторых стала крестной матерью. Ее все звали «Валюша», и я так привыкла к этому, что и сама ее так называю. В нашей единственной комнате вечно на полу раскладывались матрацы, ставились раскладушки для тех, кто приезжал на съемки.

У печки, у сундука репетировались ключевые сцены. Я подчитывала то за одну, то за другую героиню или героя. На экзамене в студию БДТ я провалилась, пошла работать на «Ленфильм» монтажницей. Однажды подчитывала вот так Насте Вертинской и Иннокентию Смоктуновскому, когда они репетировали Гамлета, и он вдруг сказал: «Ну что ты сидишь в монтажниках, с такой внешностью, голосом!».

Я попала на курс к Игорю Петровичу Владимирову, потом училась у Василия Васильевича Меркурьева.

Стали приглашать в кино, на эпизодические роли. А потом появилась блистательная картина «Ищу человека» режиссера Михаила Богина, того, что снял «Двое», «Зосю», «О любви». Эта картина о детях, которые потерялись в годы войны, и спустя много лет находят своих родителей по каким-то с детства запомнившимся при-

метам. Фильм сделан по единственному произведению для взрослых писательницы Агнии Барто «Найти человека». Она девять лет вела по «Маяку» передачу по розыску потерявшихся в годы войны детей и первой придумала искать родных и близких по детским воспоминаниям.

С этой картиной я объездила весь мир, она везде получала призы. С ней связано много воспоминаний. На фестивале в Варне нарядов у меня не было. Везде появлялась в одном вечернем красном платье, за что меня прозвали «червона актриса». В Болгарии же был забавный телевизионный роман. Увидев передачу, в меня влюбился известный летчик. И с разрешения жены (бывают же такие умные жены), приехал познакомиться. Вел себя очень деликатно. Узнав, что я впервые в Болгарии, пригласил прокатиться в Софию. А на обед к друзьям. Там случайно оказалась женщина, умеющая гадать. «У тебя будет много денег», — сказала она. (И правда, после этого я побывала в Швейцарии, Италии, где стала Синьоритой фестивалей, Германии, Монголии.) «Ждет повышение по службе» (мне действительно подняли ставку с 75 рублей до 150). «На пороге у тебя молодой человек с большой любовью, деньгами и музыкой в голове».

С НИМ

А вскоре я познакомилась с Сашей Морозовым, чьи песни, кажется, уже пели все. Полгода уговаривал выйти за него замуж. Я раздумывала.

Но он был настойчив. Терпеливо ждал меня на скамейке у дома. Всякий раз, выглянув в окно, мама говорила: «Твой музыкант уже сидит». Снял комнату в этом же доме, чтобы быть ближе. Он говорил, что нам будет хорошо вместе.

Так и было первые девять лет. Какой роскошный букет он подарил мне на свадьбу! А потом каждый четверг приносил необыкновенные цветы из магазина на Невском. В этот день их доставляли самолетом из Болгарии. Бабулечки на скамейке во дворе восхищались: «Опять с цветами идет».

Музыка в доме звучала постоянно, и лучшие песни, мне кажется были созданы в это время, когда он писал естественно и свободно, не думая об успехе и деньгах.

Когда он узнал, что меня снова приглашают в кино, сказал: «Давай сядем и подумаем, кто из нас будет «звездой». И мы обоюдно решили — он. У него все от Бога. «Тише, Саша сочиняет», — останавливали мы друг друга, если начинали громко говорить. «Не шумите, он дремлет».

Я увлеклась его музыкой. Подыскивали тексты. Встречали журналистов, телевизионщиков. Мне было приятно, когда Саша говорил: «Моя жена не снимается сейчас. Но зато она во всех ролях дома: прекрасная мать, хозяйка, дивная женщина, чудесная дочь своей матери, заботливая сестра и мой секретарь».

Подрастала Сашенька. Каждый вечер перед сном представляла для дочери в лицах то одну, то другую сказку. Часто к нам присоединялся и Саша-большой. Наигрывал мелодии на пианино. Из этих домашних импровизаций могла бы получиться такая хорошая программа для детей...

Совсем крошечной Шурочка уже хорошо реагировала на музыку. И понятно, — она еще до рождения наслушалась ее в таком количестве, что не петь и не играть не могла. Так я и крутилась вокруг двух своих талантливых Шуриков.

Помню, как мы готовились к первому творческому вечеру Саши-большого, во Дворце молодежи. Как тщательно подбирали репертуар. Вывели на сцену и пятилетнюю Сашеньку. Она была в ударе. У нее вообще очень хороший кураж. Пели с отцом «Папа, подари мне куклу», потом «Кис, кис, мяу». Саша тогда сказал: «Сбылась моя мечта. Я на сцене с дочерью».

Сейчас Шурочке шестнадцать, и она занимается на эстрадном факультете училища имени Мусоргского. Уже написала несколько песен.

Я вспоминаю годы жизни с Сашей, как самые счастливые. И до сих пор не могу понять, почему мы расстались. Может быть, он устал от нашего дамского общества — мы жили вместе с моей мамой, сестрой. Или от наших постоянных забот о нем? Или виной тому творческая депрессия?

Когда я почувствовала, что моему мужу все не так, я заказала художнику картину. И не обратила внимания, что среди музыкальных инструментов на ней

черный кот нарисован. Мне потом говорили: «Что ж ты наделала? Он по гороскопу крыса, а ты ему — кот». Я даже кота потом в белый цвет перекрасила.

БЕЗ НЕГО

У нас остались дружеские отношения. Он часто звонит из Москвы, заботится о дочери. Недавно прислал свою кассету с новыми песнями.

А судьба опять подарила мне интересную роль в фильме режиссера Жанны Серекбаевой «Жизнь-женщина». Я играю осужденную Монахову по кличке Монах.

Приглашение на съемки получила неожиданно. В этот день в десять вечера я улетаю в Томск на встречу со зрителями. А в четыре мне позвонили домой: «Приезжайте на пробы». Я приехала на полчаса, и меня сразу утвердили на роль. А я думала, что мой поезд уже ушел...

Снимали под Алма-Атой в зоне. Я целыми днями находилась среди осужденных женщин. Там были даже убийцы. Мне сделали «наколки». В Алма-Ате было жарко, и по улицам все ходили в открытых платьях и маечках. Из-за татуировок разные типы принимали меня за свою.

В зоне я умудрилась подружиться со многими. Как только захожу туда, то одна, то другая группа почтительно приглашает. Кружку пускают по кругу. Вначале думала, умру от такой концентрации.

Когда съемки закончились, все жалели, что я уезжаю. Одна женщина особенно переживала: «Останься, Монах, я ведь каждый день тебя ждала». — «Да нет, — говорю, домой пора, я уж свое как будто «отсидела». — «Ну, ладно, Монах, я через два года выхожу, в Питер к тебе приеду».

Я хотела создать образ сильной личности, человека-игрока. На свободе ей неуютно, там она — никто. Только в зоне Монахова чувствует себя «на коне». Это очень трагическая судьба.

Меньше всего я думала о сценах, где героиня, пытаясь сломить непокорную девушку, дарит ей платье, сшитое из простыней, и однажды приподнимает юбку и гладит пальцем по коленке. Но почему-то именно на эти моменты обратила внимание пресса. Мне было обидно, когда в кинопанораме прозвучало: «Монах — лесбиянка». Мне такой образ был бы неинтересен.

На премьере в киноцентре меня окружила армия «розовых» зрительниц: «Браво, Монахова!» Им, видимо, показалось, что я воплощаю их идеал. А меня их проблемы меньше всего волнуют. Я спросила: «Возглавить вас, что ли, девочки?»

На фестивале «шокирующего» кино, в Анапе, я получила приз, от которого испытала немалое смущение, — «За лучшее исполнение мужской роли». Думаю, такой удивительный приз есть только у меня одной.

С актрисой встретилась
Валентина ВАСЕЙКО